

Богдан АГРИС

Богдан Агрис родился в 1973 году. Проживает в городе Химки. По образованию – философ (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова). Публиковался в журналах «Новый Мир», «Волга», «Знамя», «Новая Юность», «Плавучий мост», онлайн-порталах «Сетевая словесность», «На середине мира», «Прочтение», «Флаги». Автор книги стихотворений «Дальний полустанок» (М., 2019). Готовится к выходу вторая книга стихотворений.

На нитевых и ломких подосновах,
где рай кузнечика понятен с полуслова,
а тонкие дрозды восходят по кривой
в сей воздух матовый, в свой образ вечевой –
так вот, на этих всходах нитевых,
где книги греются на птичьем солнцепёке,
вдруг вырвется объём невиданной сороки
звончее тетивы.

На сложенных дубах начатки и азы.
Сорока имя произносит
и смотрит в зеркало, и только оком косит,
и дарит нам такой отчётливый язык,
в котором высветится осень.

В сорочьи отсветы давно одеты мы.
Сырое утро, но простое.
О, как не выходить на стогны травостоя
в канун святой зимы.

Это город, отцветший во внутренний снег.
Это оттиск скворца на оскомине век.

А окрест обрисованы древние боры
с восковыми метелями в душных проборах.

На пути человеков ложится звезда.
Но всё дальше живёт в горизонт борозда.

О, предзимье открыто в основе своей.
Очевидно и голо в основе своей.

Если мы приголубим вечерние пашни,
если в небо поднимем вчерашние башни,
если вдруг световой растревожим каркас –
зазимует высокое время у нас.

Много станет иным, ничего станет прежним –
будем мы выходить в кроветворных одеждах.

Значит, в зеркале на сердцевине лица
станет как-то отчётливей отгиск скворца.

Пробросы заколдованной воды,
ещё заметные, и врановые крылья,
и это нежное, льняное изобилье,
воркующее всласть до матовой звезды,
и эта оторопь, степная и ковыльях.

Восходят образа к растянутым мирам.
Плоть куликов сполна налита кровью.
А утром по степи простая гать воловьих
выводит времена на ошупь умирать
на стогны огарей и оговорки совьи.

Ты, время новое, будь образа внутри.
На слётах снегирей пылают отголоски.
Куда мы падаем? В проталины да сноски.
А в небе, верные, вершатся сизари
в подкупольном своём, неприхотливом лоске.

Подражание Олегу Юрьеву

К огромной мировой свирели,
То в лад поющей, то невпопад,
Восходят святыя отроги хмеля,
И бьётся выжившая неделя
В двояковыпуклые черепа.

А дрозд вседневный, а свет надменный
Настолько вычурны и тяжелы,
Что вылетают в оснастке мерной
На скрип мировой, опять же, юлы
И верят в паводок атмосферный,
Где только голубь курлы-курлы.

Они возьмут ещё запах пряный
И гром, расхлябанный и глухой.
Но, вешние, выцветают страны,
А мы воздушные бьём стаканы
И пропадаем в него гурьбой.

Где зоркие проталины вещей
в библейских зеркалах ломки и приоткрыты –
там золотой сверчок – палеозоя мытарь –
играет с иволгой во глубине мещер
и льётся лунный клён по кровле мезолита.

Пространство сведено в скупые образа.
Всё прорисовано впервые.
Ещё на пастбищах волю не клонят выи,
но прочертил уже ликующий сизарь
нам линии городовые.

По швам невидимым расколота луна.
Се время нимродовой ловли.
И зримы нам уже и Пникс, и Квиринал.
Но здесь ещё пока – ограда, не стена,
и голубиный страж на кровле.

Ты выведи меня за рубежи
тех световых полей, где ясень глохнет в плоскость,
где реки сведены в щебечущее войско,
а млечные шершавые ежи
уже разветвлены в широких отголосках.

О взвинченная мгла мгновенных сизарей,
их отпечаток равнокрылый...
Кто вновь разворошит воздушные могилы
и встанет на кону в пресветлом сентябре?
Кто в прилагательном и полом серебре
нам явит свой оттенок милый?

Немного оттяни все эти времена –
держи свой оборот на полюс.
Во травах щелевых объёма ни на волос,
но ясень вихрь танцует имена:
они то встретятся, то разлетятся порознь.

Да всё понятно мне – такая глубина...

А если в мгле городской,
в той, совокрылой, кривознамённой,
прохватит вдруг тонкой развёрсткой хвой,
то, верно, впору гудеть совой
на ветви еловой, на ели тронной.

И вервие рвётся вразрез всему –
лихое вервие, непростое –
в сию городовую тьму,
в сие, разверстое берестою,
в сие, которое потому

идёт в свой выморочный декабрь,
что никогда не брало иного.
И, световая, кровит река,
и тени, выпуклые пока,
стоят стотельчато, медноброво.

На яркой чаше львиного огня,
которая проявлена всё краше,
прошу – не стоит ворковать меня.
Я становлюсь на переливе дня
одной из ломких и предельных башен.

Кто будет рваться в сей широкий свет,
распластанный над ломаной кривою?
Ты принеси мне ласточку в ответ
и расскажи, что нас сегодня нет,
а завтра мы – но двое, только двое...

Да где же это твёрдое, бесшовное крыло,
что тёмными обводами мерещилось и шло.

И шло оно, докуда звезда не проросла, –
крыла лихое чудо в пробеле без числа.

А те, кто мог немеряно, кто выветрился вдоль, –
звезда у них потеряна, что отзвалась звездой.

Была такая малость, незрелые крыла.
Собою называлась, собою назвала.